

Игорь Орлав

Дом, который выбирал жильцов



Код**МЫ**

Семейная драма

Игорь Орлав

Дом, который выбирал жильцов

«Автор»

2026

Орлав И.

Дом, который выбирал жильцов / И. Орлав — «Автор», 2026

В старый дом Сомовых возвращаются, когда больше некуда идти. Здесь Нина Андреевна когда-то начинала всё заново, её дочь Вера пережила развод, а теперь сын и взрослая внучка пытаются оправиться от собственных неудач. Но хозяйка решает продать дом — и привычное убежище становится предметом спора. Для одного это память, для другого работа, для третьего последняя возможность не начинать сначала. Пока покупатели меряют комнаты, родственникам предстоит разобраться, что останется между ними, если однажды придётся разъехаться.

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Мокрое место	5
2. Четыре тарелки	8
3. Узкий стол	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Игорь Орлав

Дом, который выбирал жильцов

1. Мокрое место

Вера сунула тряпку за батарею и встала у окна, прикрыв бедром тёмную полосу на обоях. До звонка она успела вытереть подоконник, убрать банку с кистями и перевесить занавеску: прежняя заканчивалась как раз над пятном. Теперь длинная кружевная ткань касалась пола. В комнатах стало почти нарядно.

— Проходите прямо, — сказала она покупателям. — Обувь можно не снимать.

И тут же посмотрела на их подошвы.

Мужчина остановился на коврике. Женщина начала расстёгивать ботильоны, но Нина Андреевна принесла из кухни четыре чистых пакета.

— Вот, наденьте. Вера полы вымыла, ещё не высохли.

Звали их Глеб и Оксана. Он придерживал жену за локоть, пока та натягивала пакеты на ботильоны; оба засмеялись, когда пакет лопнул. Вера подала другой. Ей было бы легче, окажись они неприятными: люди в грязной обуви, которые стучат по стенам и торгуются с порога. Эти принесли яблоки в бумажном пакете, не зная, что за домом своя яблоня.

— Нам сказали, вы здесь давно живёте, — начала Оксана.

— Всю жизнь, — ответила Вера.

— С перерывами, — уточнила мать. — Встань немножко левее.

Вера не пошевелилась.

Нина Андреевна подошла, отодвинула занавеску и провела ладонью вдоль обоев, не касаясь их.

— Здесь после косого дождя мокнет. Снаружи водосток повреждён. И снизу дерево надо смотреть. Сын пока не вскрывал.

Глеб присел, поправив пакет на ботинке. Вера смотрела на его затылок. Пятно показалось ей неприличным, как чужое бельё, найденное под креслом.

— Давно так? — спросил он.

— На обоях с весны. А что внутри, не знаю.

Мать сказала это так спокойно, что Вере захотелось оборвать её. Будто можно рассказать чужим людям про сырость и потом жить дальше, не чувствуя на себе их взгляда.

Из сеней донёсся стук. В дверях появилась Ася с картонной коробкой. Коробка была шире прохода между раскройным столом и шкафом, поэтому внучка шла боком, прижав подбородком раскрытую крышку.

— Можно я на секунду?

Все отступили, кроме Веры. Она взялась за край коробки.

— Ты куда это?

— К себе.

— Я же сказала, пока на веранде оставь.

— Там сыро.

— Это бумага? — спросила Оксана.

— Неудачные образцы печати, — ответила Ася. — А эти удачные, просто никому уже не нужны.

На верхнем листе золотыми буквами было написано «Ваше событие начинается здесь». Глеб прочитал, но ничего не сказал. Он подвинул стол на ладонь, освободив проход. Ася поблагодарила и скрылась за дверью, которую не удалось закрыть с первого раза.

Вера вернула стол на место. На нём лежали брюки клиентки, сколотые у пояса. Покупатели смотрели на высокое окно, на пространство возле него, и Вера вдруг поняла: они уже видят комнату без машинки, без брюк, без неё.

— Свет хороший, — сказала Оксана. — Если тут сделать проём в кухню...

— Это стена, — сказала Вера.

— Да, конечно. Я имею в виду, если возможно. Специалисту надо посмотреть.

Нина Андреевна повела их дальше. Вера шла следом, поправляя то, к чему никто не прикасался. В Павловой комнате пахло машинным маслом, хотя брат уверял, что держит все запчасти в сарае. В маленькой садовой комнате матери на подоконнике стояла чашка с отвинченной ручкой от комода. Оксана задержалась у окна, откуда были видны яблоневые ветви.

— А веранда вам нужна? — спросил Глеб.

Вера решила, что ослышалась.

— В смысле нужна?

— Мы бы её, наверное, сняли. И открытый настил сделали. Здесь низко, темновато.

— На ней мой отец отдыхал после работы.

Наступила пауза. Снаружи, за стеклом, качнулась ветка, скрипнув по раме.

— Простите, — сказала Оксана. — Мы пока только прикидываем.

Мать достала из чашки ручку, приложила к ящику, проверяя, подходит ли винт.

— Они для себя покупают, Вер.

До чердака добрались через сени. Вера принесла приставную лестницу, Глеб попросил фонарь: в глубину чердака лезть не собирался, хотел только заглянуть. Нина Андреевна показала на люк.

— Я туда больше не полезу. Сфотографировать можете, если нужно.

— Мама боится высоты, — объяснила Вера.

— Я боюсь слезать. Влезть пока могу.

Оксана придержала лестницу, хотя та и без того стояла крепко. Глеб заглянул вверх, сделал несколько снимков. Над люком висел паучий кокон; он осторожно обошёл его рукой. Вера ждала на нижней ступеньке, готовая объяснить про чемоданы и старую антенну, если спросят. Не спросили.

Когда Глеб спустился, Оксана вдруг подхватила лестницу с другого конца. Они с Верой отнесли лестницу к стене сарая. По дороге женщина зацепилась рукавом за выступающий гвоздь. Вера машинально поймала ткань, освободила, разгладила ногтем крошечную затяжку.

— Теперь не видно, — сказала она.

— Спасибо. Люблю эту кофту, жалко было бы.

Вера отпустила рукав. На минуту можно было говорить с ней просто как с женщиной, у которой испортилась вещь.

После осмотра пили воду на кухне. Оксана спросила о котле, о зимней дороге, о соседях. Нина отвечала, Вера молчала. Покупатели не обещали скорого решения; хотели вернуться с человеком, который разбирается в старых деревянных домах. Глеб оставил номер телефона. Записал на обороте магазинного чека, потому что мать попросила бумажку, хотя телефон лежал рядом.

Когда за ними закрылась тёмно-зелёная дверь, Вера вытащила тряпку из-за батареи. На мокрых волокнах застряла пыль.

— Зачем было про низ говорить? Они бы сами посмотрели.

— Вот я и показала, куда смотреть.

— Ты же говорила, просто цену узнать.

— Я говорила: узнать, за сколько можно продать.

Вера скомкала тряпку плотнее. Мать стояла посреди её рабочей комнаты, в старых брюках с аккуратной Вериной штопкой на колене. У неё был усталый вид человека, который принял гостей и теперь хочет снять хорошую кофту. Только кофта на ней тоже была домашняя.

— Значит, всерьёз?

— Да.

Вера отвернулась к окну. Занавеска, которую она перевесила утром, уже впитала снизу тонкий серый след.

2. Четыре тарелки

Павел пришёл к ужину с исцарапанным локтем: зацепил в сарае гвоздь. Вера усадила его возле раковины, обработала царапину и поставила перед ним тарелку первой. Потом вынула мясо из Асиной тарелки: Ася в последнее время оставляла его на краю.

— Я сегодня буду, — сказала Ася.

— Так сказала бы раньше.

— Ты не спрашивала.

Вера вернула мясо. Нина Андреевна разлила компот. Ложки застучали с такой старательностью, будто каждому предстояло успеть на поезд.

— Мне двух комнат достаточно, — сказала Нина.

Павел поднял голову.

— Для чего?

— Для квартиры. В одной спать, в другой сидеть. И стол наш войдёт, если вставку убрать.

— А зачем две, если ты одна? — спросила Вера и сразу добавила: — Я не про деньги. Убирать же тоже.

— Хочу ходить из комнаты в комнату.

Павел улыбнулся, но Нина не улыбнулась в ответ. Он положил ложку.

— Мам, давай я сперва стену посмотрю. Может, там работы на два выходных. Чего срываться?

— Посмотри. Продажа от этого не отменяется.

Ася сидела боком, поджав одну ногу под стул. Нина хотела сказать, что у неё затечёт колено, но сдержалась. После разговора с Верой любые слова казались распоряжениями.

— Квартира рядом с рынком, — продолжала она. — Второй этаж, лифт. Мне показывали объявление. Не эту обязательно, я ещё не смотрела.

— Рядом с рынком шум, — сказала Вера.

— Окна во двор.

— Значит, темно.

— Я хочу сама проверить.

Вера отложила хлеб. Павел взял её кусок, не заметив, что она только что держала его в руке.

— А сколько после квартиры останется? — спросил он.

Мать посмотрела на него поверх стакана.

— Пока мы ничего не продали, не знаю.

— Я примерно. Я тут гараж нашёл. Небольшой, зато электричество нормальное. Если оборудование собрать...

Он осёкся. В декабре, возвращаясь после закрытия мастерской, Павел привёз два чемодана и ящик с инструментами. Чемоданы убрали наверх, ящик остался у кровати. С тех пор он брал отдельные заказы, ездил по знакомым, но постоянного места так и не нашёл. За обедом он иногда говорил о будущей мастерской во множественном числе, словно и Вера, и мать уже устроились туда работать.

Документы на дом и участок лежали в Нинином комод. Дом и участок она получила по наследству от матери в девяносто пятом; в графе о собственнике стояло только её имя: Сомова Нина Андреевна. Павел это знал, но при разговорах о доме всегда говорил «наш». Нина и сама так говорила.

— Паша, — сказала Нина. — Остаток я пока никому не обещаю.

— Я и не прошу весь.

— И часть не обещаю.

Он пожал плечами, слишком широко для тесного стола.

— Понятно. Просто спросил.

Вера поднялась, сняла с плиты кастрюлю и начала раскладывать добавку, которой никто не просил.

— Дом большой, — сказала Нина ей в спину. — Осенью я туда-сюда с тазом хожу. По ступенькам нести неудобно. Весной опять потолок на веранде, зимой снег у ворот. Я устала, Вер.

— Так мы всё сделаем.

— Кто — мы?

— Я. Паша. Не чужие ведь.

— Ты вчера до ночи молнию в куртке меняла.

— И поменяла.

— А сегодня у тебя ещё три вещи.

Вера поставила кастрюлю на подставку так осторожно, что крышка почти не звякнула.

— Мне ничего не надо, мам. Ни гаража, ни денег. Мне бы здесь работать, как работала.

Нина знала, сколько часов дочь проводит у машинки. Знала, что Вера не берёт плату со старой соседки за подшитый халат, а потом раздражается, когда та приносит следующий. Вечерами машинка трещала за стеной, и под этот звук Нина засыпала. Прежде засыпала под кашель Бориса, потом под телевизор, который оставляла включённым нарочно. Муж умер двенадцать лет назад, а она всё ещё иногда покупала столько слив, сколько съедали они вдвоём.

— Комната тебе нужна, — сказала она. — Это тоже надо.

— Ну уж прости.

У Нины расстегнулся рукав. Пуговица давно держалась на одной нитке, и она всё забывала её пришить. Вера заметила, выдвинула ближний ящик кухонного шкафа. Там, между зажигалкой для плиты и открывалкой, лежала игольница.

— Дай руку.

— Потом.

— Потом потеряешь.

Нина протянула руку через стол. Дочь подтянула очки, выбрала нитку в цвет. Пришивала прямо на рукаве, подложив под ткань палец, чтобы не уколоть мать. Нина сидела неподвижно. Ей всегда нравилось смотреть, как Вера шьёт: делает без размаха, уверенно, будто заранее знает, где окажется игла с другой стороны.

— Готово. Эта теперь тебя переживёт, — сказала дочь, откусывая нитку.

— Пусть сперва стирку переживёт.

— Мою-то переживёт.

Нина поправила манжету.

— Спасибо, Вер.

За окном стало темнее. Дочь убрала игольницу и подвинула к матери чашку, словно вместе с пуговицей ей удалось прикрепить её к знакомому месту за столом. Павел открыл рот, собираясь что-то сказать о ремонте, но передумал.

Ася потянулась за компотом, задела тарелку, и ложка упала на пол. Все одновременно наклонились. Павел стукнулся лбом о край стола, выпрямился и несколько секунд сидел, зажмурившись.

— Хоть стол оставьте, — сказал он. — Мы с ним уже познакомились.

Ася прыснула. Вера достала из морозилки пакет со смородиной, завернула в полотенце и приложила брату ко лбу. Он послушно придержал его ладонью. Несколько минут они ели уже без этой тяжёлой осторожности, даже обсудили яблоки, которые принесли покупатели: покупные оказались кислее своих.

После ужина Ася стала мыть посуду. Вера хотела переставить чашки на сушилке, но Ася заслонила её локтем.

— Мам, я закончу.

Нина ушла в комнату за очками. Она положила рядом с ними чек с телефоном Глеба, разгладила сгиб. Через открытую дверь было видно, как дочь складывает полотенце вчетверо, разглаживая каждую складку ладонью. Вера делала всё так тщательно, словно от этого зависело, останутся ли они завтра на своих местах.

3. Узкий стол

В четверг утром Нина вынула из кухонного ящика старую связку: хотела проверить, остался ли ключ от калитки. Два маленьких ключика подходили неизвестно к чему, длинный открывал прежний замок, снятый ещё при Борисе. Между ними висел ключ с круглой головкой. Она узнала его раньше, чем вспомнила, от какой он двери.

В августе восьмидесятого мать встретила её у ворот с тряпкой в руке.

— Снизу оботрите, прежде чем в комнату нести.

Речь шла о чемодане. Ручка у него оторвалась в дороге, и чемодан пришлось волочить через станционную площадь. Нина держала на бедре двухлетнего Пашу; восьмилетняя Вера стояла у забора и смотрела на бабушку, ожидая, поцелуют ли её или сначала надо оттереть чемодан.

Александра обняла внучку, взяла чемодан и неожиданно легко подняла его над землёй.

— Ну. Чего стоим?

В доме пахло выстиранными половиками и варёной картошкой. Их комнату освободили заранее: у стены стояла кровать, рядом раскладушка для Веры, в ногах у кровати детская кроватка. Нина поставила сына на пол, и он немедленно забрался под раскладушку.

— Борис когда?

— Через две недели. Рассчитается, вещи отправит.

— А всё-таки нельзя было подождать?

Нина сняла платок. Под ним волосы слиплись от дорожной жары.

— Чего подождать, мам?

Александра стала поправлять одеяло на раскладушке. Квартиру им обещали второй год. Потом сменилось начальство, очередь пересмотрели, и оказалось, что Борису положено ждать ещё неизвестно сколько. Из комнаты, которую они снимали у вдовы мастера, пришлось выехать: вернулся хозяйский сын с женой. Нина уже рассказывала матери всё это по телефону. Разговор длился недолго, связь трещала; она сама работала телефонисткой и потому особенно терпеть не могла кричать в трубку.

— Я же не говорю, что не пушу, — сказала Александра.

— Знаю.

Они пообедали. Вера уснула прямо за столом, уронив голову на согнутую руку. Бабушка взяла её под мышки, Нина — за ноги, и вдвоём они перенесли девочку на раскладушку. В дверях не рассчитали поворот, задели Вериной пяткой косяк. Та проснулась и сердито сказала:

— Я вообще-то могу ходить.

Мать с дочерью засмеялись шёпотом, как над собственной проделкой.

Проснувшись, Вера достала из чемодана учебники. Ей предстояло идти в другую школу, и она боялась, что здесь учат по другим книгам. Бабушка осмотрела обложки и пообещала завтра отвести её к учительнице, жившей через два дома.

— Я сама отведу, — сказала Нина.

— Так я ж её знаю. Мы вместе ходим.

Вера слушала их, держа учебник у груди. Нина забрала книгу, поставила на полку. Там было свободно: Александра заранее перенесла свои вещи в буфет.

— А мы долго будем здесь? — спросила девочка.

— Пока не найдём своё.

— Папа найдёт?

— Мы с папой.

Вера кивнула и распаковала остальные книги. Больше она ничего не спросила, только тетради оставила в чемодане. Нина увидела это, когда убирала бельё. Доставать их не стала.

Паша тем временем нашёл под кроватью деревянную катушку и покатил её на кухню. Через минуту оттуда послышался бабушкин смех. Нина села на край кровати, впервые за весь день позволив себе ничего не делать.

К вечеру привезли узкий стол. Его удалось отправить попутной машиной раньше остальных вещей. Борис сколотил стол сам, когда Нина училась и занималась по ночам; потом она за ним шила, писала письма, Вера рисовала. На краю осталась выщербина от утюга.

Шофёр вместе с соседским подростком внесли его на веранду. Александра показала место между сундуком и окном.

— Тут и поставим. Пригодится.

— Нам в комнату, — сказала Нина.

— Куда? Там повернуться негде.

— К окну.

— У окна швейная машинка.

— Её можно к стене.

Шофёр опустил свою сторону, посмотрел на часы. Александра заплатила ему и закрыла дверь. Стол остался на веранде.

Вечером Нина вымыла детей, выстирала дорожное бельё. Когда вышла развешивать, калитка оказалась заперта: верёвки тянулись за сараем, а туда удобнее было пройти с улицы. Она вернулась за ключом.

— Через огород иди, — сказала мать.

— Там крапива. Дай ключ.

— Я уже убрала. В восемь запираю, сама знаешь.

Нина посмотрела на настенные часы. Без десяти девять. На прежней квартире в это время Борис обычно возвращался из магазина, а Вера выбегала встречать его к трамваю. Здесь тоже ездили трамваи, но до них нужно было идти в другой конец города.

— Мне отдельный нужен, мам.

— Зачем? Я дома.

— А я не всегда буду дома.

— Только приехала, уже куда-то надо?

Нина поставила таз на табурет. С рукава рубашки текло на половик. Она нагнулась подобрать рубашку, потом оставила: сейчас подберёт, вытрет пол, скажет, что ничего срочного, и завтра всё будет точно так же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.